DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-65-79

ВЕРА, СВОБОДА, МИССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.С. Абрамян, асп. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Открытие Америки, само по себе являющееся судьбоносным событием в европейской истории, совпало с тектоническими трансформациями, происходившими в религиозной сфере. Книгопечатание, создание национальных переводов Библии, переосмысление привычных форм религиозности — все это поспособствовало созданию особого религиозного и религиозно-политического климата эпохи. Англия, ставшая одной из наиболее успешных колониальных держав, одновременно являлась и страной, переживающей эти религиозные трансформации особенно ярко. Провозгласив раньше многих свою церковную независимость от Рима, Англия стала пространством для интенсивного поиска новой религиозной идентичности и связанного с этим процессом возникновения различных протомессианских концепций. Параллельно с этим конкуренция новых религиозных доктрин в условиях принципиальной возможности санкционированных государством притеснений инакомыслящих создала специфическую среду, делающую вопрос о политической свободе особенно актуальным и связанным с христианским контекстом. Получив в Америке дополнительное развитие и соединившись с возросшим антиколониальным и национально-освободительным посылом, все эти идейные потоки смогли дать старт одному из наиболее примечательных аспектов ранней американской социально-политической мысли и идентичности, в рамках которого в единую композицию сплетаются либерализм, республиканизм, провиденциализм, мессианизм и христианская религиозность. Дебаты о влиянии этого идейного комплекса на развитие американской идентичности и государственности ведутся по сей день, вызывая порой полярные оценки. Однако как представляется, данный феномен так или иначе является примечательным фактором американской истории, который в какой-то мере остается актуальной темой обсуждения и для современной Америки.

Ключевые слова: Реформация, Джон Локк, Томас Пейн, Томас Джефферсон, англиканство, пуритане, свобода вероисповедания, мессианизм.

* Абрамян Арман Суренович, e-mail: asabramyan@gmail.com

FAITH, LIBERTY, DESTINY, AND THE SHAPING OF EARLY AMERICAN IDENTITY

Abramyan Arman S., Postgraduate Student, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prospect, 27, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: asabramyan@gmail.com

The discovery of America, which was in itself a fateful event in European history, coincided with the crucial transformations taking place in the religious sphere. The development of printing technology, the creation of national translations of the Bible, the rethinking of the established forms of religiosity — all these innovations contributed to the creation of a special religious and religio-political climate of the era. England, which became one of the most successful colonial powers, was at the same time a country experiencing these religious transformations in an especially profound manner. Having proclaimed its ecclesiastical independence from Rome earlier than many other countries, England became a space for an intensive search for a new religious identity and a melting pot of various proto-messianic concepts. In addition, the competition of these new religious doctrines, existing in the shadow of potential and actual state-sanctioned oppression of dissidents, has created a specific environment that makes the issue of political freedom especially relevant and pertinent to the context of Christianity. Having received additional development in America and combined with an increased spread of the anti-colonial nationalist message, all these ideological streams could have given a start to one of the most remarkable aspects of early American socio-political thought and identity, within which liberalism, republicanism, providentialism, messianism, and Christian religiosity are woven into a single composition. The debate about the influence of this ideological complex on the development of American identity and nationhood continues to this day, sometimes leading to conflicting assessments. However, it seems that this phenomenon is, in one way or another, a remarkable factor in American history, which, to some extent, remains a relevant topic of discussion for modern America.

Key words: Reformation, John Locke, Thomas Payne, Thomas Jefferson, Anglicanism, Puritans, religious freedom, messianism.

Еще до обретения колониями независимости в объединенном виде и до построения в Америке государства, заявляющего о себе на мировой арене, американский континент обращал на себя взоры различных людей. Одни рассчитывали на экономические возможности Нового света, других привлекали открывающиеся земельные просторы. Однако среди прочих Америка привлекала также и религиозных энтузиастов или просто религиозных людей, принадлежащих к различным христианским деноминациям. Эти люди часто могли отличаться друг от друга по вопросу приверженности к конкретным доктринам, однако, как представляется, освоение Америки и зарождение в ней политического самоуправления могло вызывать

у них сходные реакции вне границ деноминаций, несмотря на их конкуренцию и периодическое взаимное неприятие. Общая мера влияния умонастроения этих людей на судьбу страны и ее идентичности дебатруется и критически осмысливается¹, однако сам по себе нарратив, сформированный этими людьми или относительно этих людей, представляется примечательным.

В первую очередь, говоря о самом континенте, необходимо учесть тот фундаментальный вызов, который представляло для христианского мира расширение карты известных земель. Религиозные мыслители и деятели той эпохи могли видеть в произошедшем не только новую экономическую или политическую возможность, но и историсофски значимое событие: должна быть причина, по которой Провидение утаило эту землю от глаз христиан на такое долгое время, и ее нынешнее открытие может сулить старт чего-то важного в мировой истории². Провиденциальные ожидания от открытия Нового света в этом смысле кажутся закономерными. Если же переводить фокус рассмотрения на самих обративших к Новому свету взор людей, населявших в те годы Европу, то можно отметить, что ко времени открытия и начала освоения новых земель Европа переживала этап тектонических религиозных трансформаций, в ходе которых произошел совпавший с усовершенствованием книгопечатания всплеск интереса к библейскому тексту и выдвинулись новые христианские течения, желающие доказать свою евангельскую аутентичность. И хотя внимание исследователей чаще приковано к немецкой Реформации, религиозные трансформации в Англии никак нельзя сбрасывать со счетов. Английскую Реформацию можно считать крайне значимым историческим феноменом, имеющим важные религиозные и даже религиозно-политические последствия как для самой Англии, так и для мира.

Уже начиная с провозглашения Генрихом VIII независимости Английской Церкви среди некоторых симпатизирующих реформационным сдвигам мыслителей начинают выдвигаться концепции особой миссии англичан, призванных вернуть подверженным римскому влиянию европейцам представление о подлинной церковности³. Дальнейшее же обсуждение необходимой меры реформи-

¹ *Fea J.* Was America founded as a Christian nation? A historical introduction. Louisville, 2011. P. 245.

² *Zakai A.* Exile and Kingdom: history and apocalypse in the Puritan migration to America. Cambridge, 2002. P. 85.

³ *Адамова Н.Э.* Представления пуритан об “исключительности” Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени (СПбГУ). 2015. № 15. С. 21.

вания английской церковности и догматики, вкупе с религиозными конфликтами и гонениями, которыми сопровождался процесс поиска англиканской идентичности, порождает новые конфессиональные мессианские или околومессианские тезисы и даже эсхатологические/ апокалиптические ожидания⁴. И в этом отношении также не представляется удивительным тот факт, что религиозные энтузиасты, устремившиеся в Америку во многом именно из Англии, зачастую описывали свой политический и вообще коллективный опыт в Новом свете языком библейской мессианской израильской образности: религиозно-политический интеллектуальный климат можно назвать располагающим и в общем контексте континента и эпохи, и в контексте “особой” по масштабам христианского мира Англии, и в контексте “особых” групп внутри “особой” страны. При этом делать это могли люди самых разных религиозных толков: так, в Америку переселялись и те английские пуритане, которые рассчитывали обновить английскую церковность изнутри и не порывали с метрополией, и те, которые считали эту задачу недостижимой и рассматривали свой путь в Америку как путь обособления⁵. Тем не менее общий американский вектор был сформирован, и Новый свет или, конкретно, Северная Америка и расположенные там английские колонии, стали, среди всего прочего, как просто исторически новым местом жительства для людей исторически новой протестантской религиозности (точнее, религиозностей), так и убежищем для участников “новых Исходов”, для искателей “новых Ханаанов” и для учредителей “новых Израилей” и “новых Сионов” в той или иной трактовке⁶.

Однако не пропадают образы избрания и на новом, объединенном и независимом этапе американской жизни, пусть они и теряют прежний конкретный конфессиональный или этноконфессиональный окрас. Тезис обо всей Америке как об “открытом Всемогущим убежище для гонимых” воспроизводит легендарный “Здравый смысл” Томаса Пейна⁷, а если говорить конкретно об израильской библейской образности, то обращает на себя внимание поддержанный Томасом Джефферсоном и Бенджамином Франклином проект Большой печати США, на котором планировалось изобразить израильтян в годы Исхода. При этом изображение должно

⁴ Acheson R.J. Radical Puritans in England 1550–1660. L., 2014. P. 75.

⁵ Fortson S.D. Colonial Presbyterianism: old faith in a new land. Eugene, 2007. P. 2.

⁶ Sollors W. Beyond ethnicity: consent and descent in American culture. N.Y., 1986. P. 43.

⁷ Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Бакина. М., 1959. С. 38.

было сопровождаться подписью “Восстание против тиранов есть послушание Богу”⁸.

Последнее обстоятельство представляется особо показательным в рамках рассмотрения еще одного значимого, традиционного и характерного выражения американской социально-политической и религиозно-политической мысли и важной детали зарождающейся американской идентичности. А именно, речь идет о специфическом сплаве категорий “христианства” и “свободы” в политическом измерении, который существует параллельно с мессианскими библейскими образами и с ними, как можно было убедиться, связан. При этом, как и в случае с мессианской образностью, некие косвенные предпосылки можно обнаружить в более ранней английской мысли и религиозно-политической реальности.

Возвращаясь к диспутам эры Реформации и соперничеству церковных и вообще религиозных деятелей еще в Англии, можно отметить, что определенный антитиранический пафос потенциально усматривается уже в вопросе выхода Церкви Англии из зоны влияния римской кафедры⁹: католики, с одной стороны, рассматривались как подверженные влиянию зарубежной и тиранической политической силы, с другой же стороны, в качестве репрессивного мировоззрения трактовался и сам католицизм. К слову, антикатолический запал пронесут с собой и некоторые последующие деятели уже независимой Америки, в частности, Джон Адамс¹⁰; антикатолические настроения будут относительно сильны вплоть до XX в., благодаря чему президентство Кеннеди будет выглядеть историческим событием. Затем в некоторых случаях антиримский посыл начинает направляться уже в адрес иерархии самой Церкви Англии и английской власти, которые либо не смогли в полной мере отвергнуть католические порядки как таковые, либо в какой-то период времени контролируются людьми, проявляющими тиранические наклонности¹¹; данная метода восприятия английской церковности впоследствии также будет играть роль в мировоззрении некоторых отцов-основателей независимой американской

⁸ Coffey J. Exodus and liberation: deliverance politics from John Calvin to Martin Luther King Jr. N.Y., 2014. P. 69.

⁹ Neal D. The history of the Puritans, or Protestant nonconformists. Vol. 1. N.Y., 1843. P. 47.

¹⁰ Grasso K.L., Bradley G.V., Hunt R.P. Catholicism, liberalism, and communitarianism: the Catholic intellectual tradition and the moral foundations of democracy. Lanham, 1995. P. 244.

¹¹ Hopkins S. The Puritans, or the Church, court, and parliament of England, during the reigns of Edward VI and Queen Elizabeth. Vol. 3. N.Y., 1861. P. 557.

государственности¹². Стоит также помнить, что Англия той эпохи была государством, законы которого требовали от вступающего на общественную должность давать присягу в том числе по вопросам его евхаристических убеждений¹³, а непосещение официальной церкви могло караться штрафом¹⁴, не говоря уже о казнях эпохи Генриха VIII или Марии Католички. Такова была реальность и таково было наследие метрополии; говоря же о колонизируемом англичанами Новом свете, оказавшемся в еще более явной реальности соперничающих религиозно-политических институтов и нарративов, тема религии, свободы и принуждения раскрывается в новом ракурсе. Например, уже сами пуритане зачастую становятся архетипом религиозной тирании, активно преследуя инакомыслящих, в частности, квакеров¹⁵. Таким образом, проблема власти и свободы встает перед англо-американским обществом еще до революционных событий конца XVIII в. и оказывается актуальной, сначала в религиозном, но затем и в более политическом смысле, и происходит это в том числе во внутрехристианском разрезе отношений между различными деноминациями. Темы христианского вероисповедания и политической свободы пересекаются если не в строго богословском обсуждении, то хотя бы из обстоятельства “столкновения христианств” и вытекающего отсюда общественного конфликта.

Спустя время, с одной стороны, в самой Англии складывается либеральная традиция имени Джона Локка, и традиция эта, нося в себе, среди прочих, посыл свободы вероисповедания, зарождается не в последнюю очередь как христианская программа общежития различных деноминаций (за исключением католиков¹⁶). В своем “Послании о веротерпимости” Локк постулирует, что нет приемлемого насилия ради утверждения ортодоксии, поскольку оно и не затронет суть чувств и убеждений человека, и не является моральным; при этом даже если бы оно было оправдано, каждая церковь считает себя

¹² Waldstreicher D. Companion to John Adams and John Quincy Adams. N.Y., 2013. P. 191.

¹³ Charles II, 1661: an act for the well governing and regulating of corporations // The Statutes of the Realm: Printed by Command of His Majesty King George the Third, in Pursuance of an Address of the House of Commons of Great Britain. From Original Records and Authentic Manuscripts. Vol. 5. L., 1819. P. 321–323.

¹⁴ Elizabeth's act of Uniformity (1559), 1 Elizabeth, Cap. 2 // Documents Illustrative of English Church History / Ed. by H. Gee, W.J. Hardy. N.Y., 1896. P. 458–467.

¹⁵ Lucci D. John Locke's Christianity. N.Y., 2020. P. 189.

¹⁶ Parker J. The first charter and the Early Religious legislation of Massachusetts // Lectures Delivered in a Course Before the Lowell Institute, in Boston. Boston, 1869. P. 426.

ортодоксальной. Таким образом, гражданская власть не имеет права “терзать рабов чужого господина”¹⁷, т.е. должна оставить вопрос об истине и суде над совестью человека непосредственно Богу¹⁸. С другой стороны, сходная тематика начинает выдвигаться на передний план среди ряда интеллектуалов по ту сторону океана. Автор вдохновленного историей Исхода проекта Большой печати Томас Джефферсон известен также и своим Биллем о религиозной свободе, в котором утверждается, что Бог создал человека свободным в рассуждении и желает свободного принятия истины, что религиозное насилие не добивается благочестия и перемены мышления, но лишь научает лицемерию, и что наделенная репрессивными полномочиями в сфере религии власть будет неизбежно выдавать свое мнение за истину, без гарантии того, что это мнение не превратно¹⁹. Фактор личного богословского мнения Локка или Джефферсона, безусловно, подлежит учету, и подобную тематику можно обнаружить и в других образцах христианского богословия вне англо-американского контекста. Можно вспомнить, к примеру, русскую полемику иосифлян и нестяжателей о наказании для еретиков или навеянные судьбой павликиан рассуждения преп. Феодора Студита о том, что “церковный закон никому не угрожает ни ножом, ни мечом, ни бичом”²⁰. Однако как видится, ситуация христианского межконфессионального конфликта, идущего рука об руку с освоением новых земель и интенсивным поиском идентичностей, делает интеллектуальное усилие по поиску межхристианской формулы политического примирения еще более наглядным.

Таким образом, сходное с идеей Локка представление находит отклик и в самой Америке. Но если в Англии, говоря схематично, оно конкурирует среди прочих нарративов в обществе, помнящем груз феодальной истории и имеющем старые и устоявшиеся центры власти, то в Америке, объединяясь с постепенно зарождающимся антиколониальным, национально-освободительным и при этом национально-конституирующим пафосом, настроения Локка находят, если можно так выразиться, более благодатную почву и

¹⁷ Метафора “раба и господина”, скорее всего, позаимствована из Послания к Римлянам: “Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает. И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его” [Рим. 14:4].

¹⁸ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 100.

¹⁹ Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы // Американские просветители. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1969. С. 47–49.

²⁰ Феодор Студит, преп. К торговцу ароматами Льву // Творения. Т. 2. СПб., 1908. С. 650.

более “молодые мехи”. И то же, как представляется, происходит и с непосредственно политическими сюжетами: созревая в самой английской традиции в событиях, связанных с получением Великой хартии вольностей и Славной революцией, революционная риторика, пусть и мало-помалу (практически ровно за год до Декларации независимости в Лондон направлена Петиция оливковой ветви, в которой подтверждалась лояльность Великобритании и предлагается мирное решение конфликта²¹; следует помнить и то, что лоялисты составляли значительную часть населения колоний²²), но разворачивается уже против английской власти как таковой. Причем и в случае Славной революции, и в случае Американской революции и Войны за независимость, революция часто трактуется не как “разрыв с прошлым”, но как своего рода закономерное требование “возврата к норме”. Это дает право сначала Бёрку называть Славную революцию событием, сохраняющим “старинные неоспоримые законы и свободы и ту старинную конституцию правления, которая только и является нашей гарантией для закона и свободы”²³, а затем некоторым последующим историкам американской государственности называть уже борьбу самой Америки против британского владычества “консервативной революцией”²⁴. Представляется показательным, что отец английского консерватизма, состоявшийся как мыслитель во многом на критике революционного террора во Франции, к американскому делу отнесся несколько сочувственнее, видя его в каком-то роде британским начинанием²⁵.

Однако и в политическом, и в религиозном смысле “мехами ветхими” вскоре начинает выглядеть не только метрополия на острове, но и весь Старый свет. Континентальный и даже общемировой контекст американского предприятия постепенно начинает возвышаться, конкурируя с внутрианглийским. Показателен в этом отношении уже упомянутый “Здравый смысл” Пейна: если о влиянии каких-то книг и идей на тех или иных деятелей можно высказывать предположения разной степени достоверности, то факт широкого влияния риторики этого сочинения на умы жителей колоний может

²¹ *Birchall J.* England under the revolution and the house of Hanover, 1688 to 1820. L., 1876. P. 373.

²² *The Oxford handbook of the American revolution* / Ed. by E.G. Gray, J. Kamensky. N.Y., 2015. P. 295.

²³ Цит. по: *Conservatism: an anthology of social and political thought from David Hume to the present* / Ed. by J.Z. Muller. Princeton, 1997. P. 90.

²⁴ *Morison S.E.* The conservative American revolution. Washington, 1976. P. 3.

²⁵ *Kirk R.* A revolution not made, but prevented // *Edmund Burke: Appraisals and Applications* / Ed. by D.E. Ritchie. New Brunswick, 2011. P. 95–111.

быть эмпирически подтвержден как минимум стремительностью ее распространения и рекордным тиражом²⁶. Транслировало это влиятельное сочинение несколько важных идей: во-первых, Америка является самостоятельным феноменом уже по одному факту своей континентальности — островное внешнее управление выглядит нонсенсом; во-вторых, обретение этого континента американцами является важным историческим и моральным событием — Пейн, несмотря на закрепившуюся за ним славу деиста и даже циника, трактует колонизацию Америки как акт Провидения; в-третьих, провиденциальная задача Америки — стать “приютом свободы” не только для английских религиозных и политических диссидентов, но для всей Европы и даже для всего мира²⁷. Так Америка выводится из контекста исключительно отношений с метрополией и идейно выдвигается на мировую арену; политические формулы, выводимые в Америке, важны уже не только для внутрианглийских разделений, но и для всего мира. Тем более располагает к этому повороту и то обстоятельство, что к тому времени северная часть американского континента и сами колонии активно заселяются и неанглийскими колонистами.

При всем при этом не только провиденциализм, но и республиканизм получает у Пейна в том числе богословскую аргументацию. Так, он обращает внимание на историю Первой книги Царств, которая в сюжете о помазании Саула на царство представляет институт монархии как отклонение от первоначального божественного замысла. Увязывается в мысли американских отцов-основателей с религиозным постулатом также и категория общечеловеческих прав, которую, несмотря на определенные симпатии к американцам, отвергал Бёрк и по теме которой с самим Бёрком полемизировал тот же Пейн²⁸. Важную часть Декларации независимости, которая прославила Джефферсона еще больше, чем Билль о религиозной свободе, занимает тезис о “неотъемлемых правах”, данных не абстрактным Разумом или государством, а именно Творцом²⁹. Таким образом, хотя и не сообразуясь по этому вопросу с англо-консервативным пониманием политики, данная идея не дрейфует до конца и во французскую “революционно-рационалистическую” сторону,

²⁶ Ayer A.J. Thomas Paine. Chicago, 1990. P. 35.

²⁷ Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. М., 1959. С. 48.

²⁸ Fennessy R.R. Burke, Paine, and the rights of man: a difference of political opinion. The Hague, 1963. P. 138.

²⁹ Jayne A. Jefferson's Declaration of independence: origins, philosophy, and theology. Lexington, 1998. P. 109.

находя универалистские аргументы в пользу выдвигаемых категорий на богословской почве. В свою очередь уже француз Алексис де Токвиль в своей легендарной “Демократии в Америке” будет удивляться тому факту, что “приверженность религии” и “дух свободы” в США, в отличие от Франции, соединяются³⁰. Так американская политическая и религиозная мысль начинает контрастировать не только с английскими, но и другими европейскими образцами: мыслители нового континента и нового общества делают заявку не только на особую межконфессиональную конфигурацию, но на новый образец всей политической практики и даже политического богословия, не имевший в Старом свете достаточно безопасного места для разворачивания и обращающийся с призывом к научению не только к метрополии, но и ко всем остальным странам. Довольно трогательным примером этого умонастроения выглядит предложение Томаса Пейна, побывавшего во Франции, выслать короля в Америку вместо казни не только по соображениям гуманности, но и по причине того, что есть перспектива продемонстрировать королю верные представления о правлении на американской земле³¹.

Наконец, тезис о новизне американского эксперимента вплетается в ряд мессианских воззрений: рождаясь в недрах английских, а затем и колониальных национально-религиозных сюжетов, мессианский посыл обретает новую жизнь в общей политической заявке североамериканского предприятия. “Избрание Америки” имеет дело уже не со строго конфессиональными или национально-конфессиональными взглядами пуритан или квакеров, но с политическими ценностями, разделяемыми Америкой. При этом сами эти ценности оказываются поняты в том числе религиозным образом: американцы “свободны” не вопреки религии, а благодаря ей, и во многом именно богословская аргументация, апеллирующая не к “верховному существу” или “разуму”, но к Богу/Творцу, подкрепляет тезисы американских просветителей (пускай некоторые из них, включая Джефферсона, имели неортодоксальные взгляды — в том числе и по меркам протестантской Америки — по ряду неполитических вопросов вероучения³²). Поэтому постулаты Джефферсона о правах человека и веротерпимости сочетаются с его образом библейского Исхода на Большой печати куда органичнее, чем могло бы показать-

³⁰ Цит. по: Hess A. Tocqueville and Beaumont: aristocratic liberalism in democratic times. Dublin, 2018. P. 25.

³¹ Wilson J.D., Ricketson W.F. Thomas Paine. Boston, 1989. P. 83.

³² The Founding Fathers and the debate over religion in revolutionary America: a history in documents / Ed. by M. Harris, Th. Kidd. N.Y., 2012. P. 157.

ся в Старом свете сторонникам абсолютизма, с одной стороны, и сторонникам антицерковного революционного террора — с другой.

Суммируя вышеперечисленное, представляется возможным сделать вывод о том, что нарративы миссии, религии и политических свобод сами по себе оказываются важными в формировании идентичности и идейного содержания молодого североамериканского государства — хотя бы на уровне воззрений его наиболее известных лидеров и интеллектуалов и принадлежащих их перу документов; впрочем, насколько об этом можно судить как об одной из основ зарождающейся идентичности — вопрос отдельного осмысления. Однако еще примечательнее, что все эти компоненты — христианская религиозность, политическая свобода, историческое предназначение и прочие — во многом сплетаются в единый смысловой ряд в уникальной американской композиции. Библейские образцы помогают истолковывать республиканский образ правления и права человека, они, в свою очередь, проникают в представления о роли страны в истории, рефлексия о роли в истории влияет на осознание американской идентичности как уникальной и отличной от британской и вообще старосветной, подобный универсализм же вновь укореняется в рассуждениях о связи гражданственности и христианской антропологии и т.д.

Безусловно, описанная логика развития идей и их связей не тождественна полной истории зарождения американской государственности и идентичности и не отражает всего спектра политических идей, развивавшихся в США. Кроме того, и у самих конкретных описанных идей также имелись альтернативные источники появления. Так, естественным образом на республиканский идеал оказало влияние античное римское наследие³³; есть также и смелые концепции, некоторым образом связывающие американский федерализм с наследием ирокезов³⁴. Отдельного внимания заслуживают экономические и политические факторы выбора тех или иных властных схем и нарративов. На представления же о миссии вполне могли оказать и выкладки в духе географического детерминизма или актуальная политическая практика. Не говоря уже о том, что, даже если оставаться в строго идейном поле, миссия миссии рознь: есть разница между миссией-примером и миссией-преобразованием, и, упрощенно говоря, архетипы “обители” и “крестового похода” будут еще долго соперничать в истории американской мысли, а по-

³³ *Shalev E.* Rome reborn on Western shores: historical imagination and the creation of the American republic. Charlottesville, 2009. P. 3.

³⁴ *Shannon T.J.* Indians and colonists at the crossroads of Empire: the Albany Congress of 1754. N.Y., 2002. P. 7.

рой и политической практики — таким образом, словосочетания “американский мессианизм”/“американская исключительность” не являются самообъясняющимися и требуют пояснения. Тем не менее эти обстоятельства, во-первых, как представляется, не умаляют важности рассмотренного религиозно-политического идейного комплекса в интеллектуальной и политической судьбе США, а лишь уточняют его место в общей картине, а во-вторых, они не умаляют примечательности зародившегося религиозно-политического идейного сплава как такового.

Соединенные Штаты прошли долгий путь развития, во многом изменивший страну до неузнаваемости. Некогда существовавшее на окраине государство, ревностно защищавшееся от попыток внешних сил вмешиваться в свои дела и скептически относившееся к мировой политике, пришло к ХХI в. в статусе мировой сверхдержавы, проводящей активную внешнюю политику и связанную множеством международных договоренностей. Тринадцать колоний, долго решавшие задачу поддержания политического и идентичностного единства, стали пятьюдесятью штатами, раскинувшимися от океана до океана. Заявленный в самом начале пути республиканский идеал не помешал поступательному усилению федеральной власти и разрастанию беспрецедентного бюрократического аппарата. Некогда единая и не знавшая столь крупных конфликтов страна прошла кровопролитную гражданскую войну, две войны мировые, биполярное противостояние с Советским Союзом и атаку международного терроризма на свою территорию, не говоря о ряде травматичных периферийных конфликтов вроде Ирака и Вьетнама, оставивших отпечаток на американской культуре. Причем в случае с Советским Союзом и идеологией коммунизма, имеющей универсалистский, эгалитарный и при этом атеистический посыл, Америка получила и беспрецедентный идейный вызов, заставивший острее поставить вопрос о том, кто такие американцы. Усложнился религиозный и этнический состав страны, и на авансцену выдвинулось множество новых идей. Были подвергнуты ревизии и некоторые старые идеи и практики: Америка, в частности, прошла долгий путь борьбы с расизмом и выстраивания добрососедских отношений с коренным населением. Так в американскую жизнь вошел сюжет суда над собственной страной и историей, обостренное переживание морального несоответствия. Хотя, как представляется, корректнее будет сказать, что этот сюжет не “вошел в американскую жизнь”, а усилился: во многом он уже является и составляющей частью христианской религиозности, и обратной стороной библейского мессианизма, и потому неудивительно, что сюжет суда над нравами в виде “иеремиа-

ды” знаком Америке еще с ранних времен³⁵. Одним словом, попытка выстраивания магистральной дороги от Уинтропа и Джефферсона до Обамы или Трампа или попытка редукции американской идентичности до этих сюжетов окажется существенным упрощением, пусть и использующимся порой в партийной политике и риторике. Необходимо учитывать, что американские идеи, в том числе идеи религиозно-политические, как и сама история страны, пережили множество судьбоносных вех, оставивших свой отпечаток. Изучение развития американских идей и идентичности в их внутренней взаимосвязи и в контексте реальной политической или экономической практики потребует многих томов. Тем не менее как представляется, не стоит ролью обозначенных сюжетов в формировании представлений об американской идентичности и пренебрегать, и фактор “точки отсчета” американской государственности и идентичности, особенно в контексте сложной специфически американской связи республиканизма, мессианизма и религиозности, ставшей в каком-то роде “визитной карточкой” ранней американской социально-политической мысли, все равно имеет значение.

Для все еще молодого американского государства, знающего два с половиной столетия непрерывного континуитета субъектности и политических форм, нарративы и, если можно так выразиться, мифология основания не являются вопросом сугубо исторического интереса. Мысли американских просветителей об американской государственности обсуждаются в школах, вспоминаются во время прений в Конгрессе и рассмотрений дел в Верховном суде, причем и в контексте их похвалы, и в контексте осуждения политической системы, не соответствующей заявленному. Американская история успела дать стране огромное множество других системообразующих precedents, от эпохи Линкольна до Нового курса Рузвельта, однако сохраняющийся, порой даже болезненный интерес американцев к вопросам генезиса их государственности и идентичности заставляет относиться к этой теме серьезно, несмотря на все изменения, которые пережила Америка за десятки лет своего существования, и несмотря на всю непредсказуемость динамики сегодняшнего дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамова Н.Э. Представления пуритан об “исключительности” Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени (СПбГУ). 2015. № 15.

Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы // Американские просветители. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1969.

³⁵ Bercovitch S. The American Jeremiad. Madison, 2012. P. 5.

- Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988.*
- Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. М., 1959.*
- Феодор Студит, преп. К торговцу ароматами Льву // Творения. Т. 2. СПб., 1908.*

REFERENCES

- Acheson R.J. Radical Puritans in England 1550–1660. L., 2014.*
- An anthology of social and political thought from David Hume to the present / Ed. by J.Z. Muller. Princeton, 1997.*
- Adamova N.E. Predstavlenija puritan ob “iskljuchitel’nosti” Anglii i ejo edinstve s Evropoj: religioznyj aspekt [Puritans’ View on the “Exceptionalism” of England and Her Unity with Europe: a Religious Aspect] // Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni (SPbGU). 2015. N 15 (in Russian).*
- Ayer A.J. Thomas Paine. Chicago, 1990.*
- Bercovitch S. The American Jeremiad. Madison, 2012.*
- Birchall J. England under the revolution and the house of Hanover, 1688 to 1820. L., 1876.*
- Charles II, 1661: an act for the well governing and regulating of corporations // The Statutes of the Realm: Printed by Command of His Majesty King George the Third, in Pursuance of an Address of the House of Commons of Great Britain. From Original Records and Authentic Manuscripts. Vol. 5. L., 1819.*
- Coffey J. Exodus and liberation: deliverance politics from John Calvin to Martin Luther King Jr. N.Y., 2014.*
- Elizabeth’s act of Uniformity (1559), 1 Elizabeth, Cap. 2 // Documents Illustrative of English Church History / Ed. by H. Gee, W.J. Hardy. N.Y., 1896.*
- Dzhefferson T. Bill’ ob ustanovlenii religioznoj svobody [A Bill for Establishing Religious Freedom] // Amerikanskije prosvetiteli. Izbrannye proizvedenija. T. 2. M., 1969 (in Russian).*
- Fea J. Was America founded as a Christian nation? A historical introduction. Louisville, 2011.*
- Fennessy R.R. Burke, Paine, and the rights of man: a difference of political opinion. The Hague, 1963.*
- Feodor Studit, prep. K trgovcu aromatami L’vu [To Leo the Perfume Trader] // Tvoreniya. T. 2. SPb., 1908 (in Russian).*
- Fortson S. D. Colonial Presbyterianism: old faith in a new land. Eugene, 2007.*
- Grasso K.L., Bradley G.V., Hunt R.P. Catholicism, liberalism, and communitarianism: the Catholic intellectual tradition and the moral foundations of democracy. Lanham, 1995.*
- Hess A. Tocqueville and Beaumont: aristocratic liberalism in democratic times. Dublin, 2018.*
- Hopkins S. The Puritans, or the Church, court, and parliament of England, during the reigns of Edward VI and Queen Elizabeth. Vol. 3. N.Y., 1861.*
- Jayne A. Jefferson’s Declaration of independence: origins, philosophy, and theology. Lexington, 1998.*
- Kirk R. A revolution not made, but prevented // Edmund Burke: Appraisals and Applications / Ed. by D.E. Ritchie. New Brunswick, 2011.*

- Lokk Dzh.* Poslanie o veroterpimosti [A Letter Concerning Toleration] // Lokk Dzh. Sochinenija. T. 3. M., 1988 (in Russian).
- Lucci D.* John Locke's Christianity. N.Y., 2020.
- Morison S.E.* The conservative American revolution. Washington, 1976.
- Neal D.* The history of the Puritans, or Protestant nonconformists. Vol. 1. N.Y., 1843.
- Parker J.* The first charter and the Early Religious legislation of Massachusetts // Lectures Delivered in a Course Before the Lowell Institute, in Boston. Boston, 1869.
- Pejn T.* Zdravyj smysl [Common Sense] // Pejn T. Izbrannye sochinenija / Pod red. M.P. Baskina. M., 1959 (in Russian).
- Shalev E.* Rome reborn on Western shores: historical imagination and the creation of the American republic. Charlottesville, 2009.
- Shannon T.J.* Indians and colonists at the crossroads of Empire: the Albany Congress of 1754. N.Y., 2002.
- Sollors W.* Beyond ethnicity: consent and descent in American culture. N.Y., 1986.
- The Oxford handbook of the American revolution / Ed. by E.G. Gray, J. Kamen-sky. N.Y., 2015.
- The Founding Fathers and the debate over religion in revolutionary America: a history in documents / Ed. by M. Harris, Th. Kidd. N.Y., 2012.
- Waldstreicher D.* Companion to John Adams and John Quincy Adams. N.Y., 2013.
- Wilson J.D., Ricketson W.F.* Thomas Paine. Boston, 1989.
- Zakai A.* Exile and Kingdom: history and apocalypse in the Puritan migration to America. Cambridge, 2002.